

пользовались советом и летом 1902 г. получили на сходных условиях почти 1 кв. км. побережья. Но Токио хотел большего.

5.8. Влияние боксёрского восстания на действия России в Корее

Существенное влияние на политику России в Корее оказали события 1900 г. в Китае. Боксёрское восстание и его подавление вызвало у российских военных соблазн ввести войска не только в Маньчжурию, но и на Корейский полуостров. После того, как русские солдаты появились в Северном Китае и совершенно очевидно не собирались быстро покидать его, Япония решила требовать себе компенсаций. Токио вернулся к идее размена: содействовать России в Маньчжурии за признание свободы рук себе в Корее. 15 июля 1900 г. В.Н. Ламздорф встретился в Петербурге с Ю. Комурой. Японский дипломат общими фразами говорил о том, что боксёрское восстание может распространиться на Корею (то есть, организовать беспорядки в королевстве Япония могла, вероятно, в любой момент) и тогда Стране восходящего солнца придётся принимать меры, поэтому Токио желал заблаговременно обменяться мнениями об этом с Россией. Заодно японский посланник вспомнил об аренде Россией Ляодуна, намекая на ответные уступки в королевстве. В.Н. Ламздорф, разумеется, повторил официальную позицию Петербурга, отвергнув всякую связь Кореи и Ляодуна, но всё-таки не уклонился совершенно от переговоров, попросив представить ему письменные предложения Токио. Министр не собирался и далее уступать Японии в королевстве, в чём он получил полное одобрение Николая II, но вести себя непреклонно он не мог: Россия опасалась возможного ввода японских войск на полуостров²⁴⁷.

Аналогичные усилия прилагались параллельно и в Токио. Х. Ито, несмотря на то, что не занимал тогда официальных должностей в правительстве, тем не менее, очень активно общался с российским посланником А.П. Извольским, настойчиво убеждая его, что интерес Японии к Корее велик (она намерена «играть преобладающую роль») и неустраним. Маркиз связывал события в Китае в 1900 г. и корейский вопрос, утверждая, что все (!) в Японии полагали: «Настоящий кризис будет иметь последствием окончательное утверждение в той или иной форме и под тем или другим наименованием русской власти в Маньчжурии». Япония же со своей стороны стала бы искать «соответствующие выгоды» в Корее. Несмотря на некоторую неопределённость речей Х. Ито, А.П. Извольский уловил, что в них предполагались два варианта решения корейского вопроса: мирно, путём соглашения, или войной. Многоопытный сановник выступал за соглашение, но при этом он ничего не говорил о его

²⁴⁷ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 16 июля 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.128–131; Пак Б.Д. Указ. соч. С.327.

возможном содержании²⁴⁸. Конечно, это был зондаж почвы, но российский посланник сделал из него правильный вывод: речи Х. Ито означали, что в любой момент корейский вопрос мог резко обостриться.

На этот раз в российском МИДе к предложению японцев отнеслись с большим вниманием. Там предположили, что корейский соблазн стал бы для Японии «источником слабости и изнурения», так как экономика Страны восходящего солнца переживала многочисленные трудности и ей было явно не по силу справиться одновременно с колоссальными расходами на вооружения и ассимиляцию Кореи²⁴⁹. С.Ю. Витте фактически разделял эту точку зрения, так как он являлся категорическим противником появления русских солдат в королевстве. Это, по его мнению, произошло войной с Японией и неизвестной, но опасной цепочкой осложнений для Петербурга в других местах, в частности, на европейской и центральноазиатской границах Российской империи²⁵⁰.

Осенью 1900 г. В.Н. Ламздорф распорядился приступить к переговорам по Корее со Страной восходящего солнца. Она же, не надеясь на успех в России, давила на корейские власти, в частности, через корейского посланника. От него требовали, чтобы Сеул обратился к Токио с просьбой о протекторате²⁵¹. Однако столь прямолинейная дипломатия не привела к успеху: козлом вместо этого поднял вопрос о международной нейтрализации Кореи, что, естественно, никоим образом не устраивало японцев²⁵². Наручу Японии оказалась только позиция США: Америка уклонилась от участия в корейском вопросе под предлогом того, что Корея не имела, с точки зрения Вашингтона, самостоятельной государственной организации. Всё-таки Токио пришлось вернуться к единственно возможному решению проблемы – соглашению между Россией и Японией. Но в основе позиции Петербурга лежала всё та же идея нейтрализации королевства. Поэтому обмен мнениями, осторожно начатый А.П. Извольским в Токио, быстро зашёл в тупик²⁵³. Японский посланник в Петербурге представил В.Н. Ламздорфу записку о решении японской сто-

²⁴⁸ А.П. Извольский – В.Н. Ламздорфу 27 августа 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.103. Л.4–10.

²⁴⁹ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса. [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52. 20 марта 1901 г. Николай II оставил на ней резолюцию: «Поучительно». Но, похоже, что царь не сделал никаких выводов относительно дальнейшей русской политики в Корее.

²⁵⁰ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 9 августа 1900 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.177. Л.23–24.

²⁵¹ А.П. Извольский – в МИД 28 сентября 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.61–63.

²⁵² А.И. Павлов – в МИД 22 и 23 ноября 1900 г. (копия) // Там же. Л.52–54.

²⁵³ А.П. Извольский – в МИД 5 января 1901 г. (копия) // Там же. Л.195–198.

роны отложить переговоры по Корее до восстановления status quo в Маньчжурии (предлогом для них послужил слух о заключении соглашения между Е.И. Алексеевым и мукденским цзянь-цзюнем)²⁵⁴. А.П. Извольский сделал из этого логичный вывод о том, что целью Токио являлось стремление увязать маньчжурский и корейский вопросы²⁵⁵.

Российские дипломаты на Дальнем Востоке не одобряли действия Петербурга в отношении Кореи. А.И. Павлов полагал, как и МИД, что королевство неспособно к самостоятельности, его независимость – фикция, но вопрос он ставил иначе: кто-то должен обязательно господствовать на полуострове. Совместный русско-японский контроль над Кореей дипломат считал невозможным, поэтому предлагал уступить доминирующую роль там Японии, оговорив некоторые свои интересы. В принципе это была разумная позиция, но следовало чётко определить, что понимать под этими интересами. Посланник же не ответил на этот вопрос, ограничившись общими рассуждениями. Как думал А.И. Павлов, такое решение развязало бы России руки. Если же Петербург не намеревался отказаться от Кореи, то Токио вообще не следовало ничего уступать. Открыто захватить королевство, по его мнению, Япония не решилась бы. Это оказалось бы возможным лишь при поддержке великой державы либо при уверенности, что Россия оставит такой шаг безнаказанным²⁵⁶.

Сходного по сути взгляда придерживался А.П. Извольский. Он полагал, что в случае предоставления Японии свободы рук в королевстве оно явится источником слабости для Токио. Однако в тот момент – начало 1901 г. – посланник в Токио считал переговоры с Японией несвоевременными из-за ситуации в Китае. Слухи о сепаратном соглашении сильно возбудили общественное мнение в Японии, а торг с Токио следовало бы вести в спокойной обстановке, добиваясь разумных уступок. Российский дипломат видел наилучший исход в размене Маньчжурии на Корею²⁵⁷.

Иначе оценивал ситуацию начальник Квантунской области Е.И. Алексеев. Полагая, что время для соглашения с Токио Россия уже упустила, он предлагал не осложнять отношения с Японией. Адмирал исходил при этом из военной слабости России на Дальнем Востоке и предлагал «со всюю энергией вести приготовления на случай разрыва». По его мнению, это был «лучший путь к выходу из

²⁵⁴ В.Н. Ламздорф – А.П. Извольскому 7 января 1901 г. (копия) // Там же. Д.99. Л.29. Подробнее см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

²⁵⁵ А.П. Извольский – в МИД 9 февраля 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.13–14.

²⁵⁶ А.И. Павлов – Н.Г. Гартвигу 2 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.183. Л.169–172.

²⁵⁷ А.П. Извольский – Е.И. Алексееву 23 и 31 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.124. Л.1–13.

настоящего неопределённого положения и обуздания японской заносчивости»²⁵⁸. То есть, Е.И. Алексеев призывал готовиться к военному решению корейской проблемы, считая, что в МИД недооценивают всей серьёзности положения²⁵⁹. Очевидным достоинством этой позиции являлась её определённая, всё остальное нельзя назвать «лучшим выходом», особенно типично генеральское непонимание того, что участие России в военном конфликте на Дальнем Востоке было чревато непредсказуемыми последствиями для империи в целом даже в случае победы.

При всех различиях во взглядах Е.И. Алексеева и А.И. Павлова у них можно обнаружить много общего. Прежде всего, они справедливо настаивали на определённости в политике и на осторожных действиях в связи с Кореей, чтобы не поссориться с Японией. Но если А.И. Павлов допускал возможность отказаться от королевства в пользу Токио, то Е.И. Алексеев, кажется, был против такого шага. К сожалению, оба чиновника смотрели на проблему Кореи слишком узко, лишь через призму русско-японских отношений, не рассматривая корейский вопрос в контексте всей российской политики в регионе.

Проблему не оценили и в Петербурге. Видимо, там больше занимались Маньчжурией, ведя нелёгкие переговоры с Пекином о её дальнейшей судьбе. В очередной раз не получив желаемого, Япония начала искать решение корейского вопроса не в России, а в Англии, и с апреля 1901 г. в Лондоне начались сначала консультации, а затем и переговоры об англо-японском союзе²⁶⁰.

Вопреки мнению Б.А. Романова, стремившегося зафиксировать англо-японский союз уже весной 1901 г. и отвергавшего остальные пути после начала переговоров (повторяя точку зрения Т. Хаяши)²⁶¹, я полагаю, что вопрос о нём был окончательно решён не ранее осени 1901 г. Следовательно, вариант

²⁵⁸ Е.И. Алексеев – А.П. Извольскому 2 апреля 1901 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.835. Д.4. Л.24–28.

²⁵⁹ Е.И. Алексеев – А.П. Извольскому 19 апреля 1901 г. // Там же. Л.29–32.

²⁶⁰ А.Б. Записки графа Хаяси об англо-японском союзе. Несколько вступительных замечаний // Известия Министерства иностранных дел. 1913. Кн.5. С.314–315. Автор, скрывающийся под инициалами А.Б., полагал, что, обращаясь в Лондон, Токио искал способ вытеснить Россию из Маньчжурии (С.316). Думаю, что он преувеличил интерес Японии к Маньчжурии, принижая агрессивные намерения относительно Кореи. Ведь сам Т. Хаяши на переговорах с англичанами проговорился, что Маньчжурия для его страны имеет трехстепенное значение. Конечно, смысл обращения состоял именно в Корее. Но с этого момента – когда вариант Токио–Петербург сменился на Токио–Лондон, платой за него могла быть только Маньчжурия. То есть, Япония уже помимо своего желания глубоко втягивалась в маньчжурскую проблему. Со своей стороны англичане внушали японцам, что у них есть права на Маньчжурию, за которые следует бороться (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 11 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.239. Л.46).

²⁶¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.307–308. Дело в том, что на тот момент японцы интересовались прежде всего Кореей и не были ещё готовы воевать за Маньчжурию, а Лондон – поддерживать военный способ решения маньчжурской проблемы.

договорённости с Россией как минимум до этого времени нельзя безусловно отвергать. Более того, как показали дальнейшие события, Токио не усматривал в альянсе с Лондоном препятствие для договора с Россией (просто она уже не рассматривалась в качестве возможного союзника).

Эти обстоятельства, частью очевидные и тогда, не стали предметом анализа российского руководства. Петербург избрал не лучший подход к корейской проблеме. В.Н. Ламздорф не согласился со взглядом А.П. Извольского, возразив ему: если бы Россия допустила свободу действий Японии в королевстве, то признала бы её притязания на Корею, «которая в силу географических условий и, так сказать, естественного хода событий предназначена рано или поздно составлять часть азиатских владений Российской империи». Поэтому до окончания строительства КВЖД России следовало бы «избегать преждевременных коренных мероприятий по отношению к Корее»²⁶². Фактически это означало возвращение к позиции, занимаемой до середины 1897 г.: тянуть время, поддерживая неопределённость. То есть, на фоне растущего стремления японской стороны решить корейскую проблему (пусть и в свою пользу) Петербург неожиданно двинулся назад, отказываясь идти в этом вопросе навстречу Токио. Это было возможно в 1896–1897 гг., но в 1900–1901 гг. обстановка оказалась совершенно иной, возвращение к прежней позиции выглядело неоправданным. Такие действия можно расценить как серьёзный промах дипломатии и всего российского руководства.

Японцы же, после того как несколько улеглась тревога в связи с сепаратными соглашениями цзянь-цзюней и российских властей в Маньчжурии, продолжили зондаж корейского вопроса. Х. Ито в Токио говорил приехавшему туда А.И. Павлову, что Япония – за сохранение территориальной целостности и независимости Кореи, что и должно стать предметом соглашения с Россией. Реальным расхождением с позицией Петербурга оставалась, пожалуй, уверенность маркиза в необходимости решительного вмешательства обеих стран в корейские дела²⁶³. Правда, по мнению дипломата, это был лишь личный взгляд Х. Ито, а в Японии большинство думало уже иначе.

²⁶² Проект письма В.Н. Ламздорфа А.П. Извольскому, одобренный Николаем II 10 марта 1901 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.233–235; отчёт о беседе японского посланника с В.Н. Ламздорфом 12 марта 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.21–22. Тем не менее, в 1901 г. офицеры Корпуса военных топографов вели свои работы в Корее, определив точную долготу ряда пунктов, в том числе портов Циннампо и Чемульпо (Поляновский М.П. Хронометрические рейсы между Сеулом, Порт-Артуром, Харбиным и Владивостоком, исполненные в 1901 году // Записки Военно-топографического управления Главного штаба. Часть LX. Отдел 2. СПб., 1903. С.7). Понятно, что такой интерес вряд ли ускользнул от внимания японцев.

²⁶³ А.И. Павлов – в МИД 26 апреля 1901 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.250–258.

Россия же продолжала колебаться. Лишь в мае 1901 г., обеспокоившись жёсткой позицией Токио по отношению к русским действиям в Маньчжурии (подготовке сепаратного соглашения) и, по-видимому, по-прежнему не желая увязывать маньчжурский и корейский вопросы, В.Н. Ламздорф поставил вопрос ребром: способна ли Россия «приступить к более решительным мероприятиям в Китае, смело идя навстречу всяким случайностям?» (то есть, воевать в случае необходимости)²⁶⁴. Ответ военных остудил решимость министра: российский флот не был готов к конфликту на Тихом океане, поэтому, по мнению моряков, на Дальнем Востоке следовало бы придерживаться спокойной и последовательной политики. Станным довеском к такому разумному совету выглядело их «вечное» желание приобрести, тем не менее, базу на юго-восточном побережье Кореи (Мазанпо): если уж вести себя последовательно, то зачем было в тот момент провоцировать Японию на ответные действия?²⁶⁵

5.9. Поездка Х. Ито в Россию (конец 1901 г.)

Главной причиной визита Х. Ито в Петербург в конце 1901 г. явился корейский вопрос. Один из ведущих государственных деятелей Страны восходящего солнца, ещё совсем недавно занимавший премьерское кресло, совершил частную поездку в Европу, которая была призвана расставить многие точки над *i* в японской внешней политике. Несмотря на то, что формально поездка носила неофициальный характер, она проходила в тесной координации с действиями кабинета и с ведущимися в Лондоне англо-японскими переговорами²⁶⁶. В сущности для Токио это означало выбор между попыткой сблизиться либо с русско-французским альянсом, либо с Англией. В Париже Х. Ито говорил о том, что Япония разочарована в США и не доверяет Лондону из-за его стремления втравить её в войну с Россией (наверное, здесь было больше лукавства, чем правды). Желание установить более тесный контакт с Парижем вызывалось главным образом стремлением разместить во Франции японские государственные бумаги, так как мировой финансовый кризис резко затруднил заимствования, а лондонский рынок с неохотой принимал японские обязательства. В случае успеха Х. Ито небезосновательно надеялся, что Франция сможет сыграть роль посредника в переговорах с Россией. Он ехал в надежде на то, что сумеет достичь с Россией договорённости до того как Токио придётся дать

²⁶⁴ В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 23 мая 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1723. Л.43–44.

²⁶⁵ П.П. Тыртов – В.Н. Ламздорфу 28 мая 1901 г. // Там же. Л.51–52.

²⁶⁶ Nish J. Ito Hirobumi in St.Petersburg, 1901 // Nish J. Collected Writings. Part 1. Tokyo, 2001. P.85–86.